

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ДЁМЫШЕВ

СКАЗКИ СТАРОГО ЛЕСА.
КНИГА 1. ИСПЫТАНИЕ
ВЕРОЙ

Александр Васильевич Дёмышев
Сказки старого леса.
Книга 1. Испытание Верой
Серия «Сказки старого леса», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57312156

СКАЗКИ СТАРОГО ЛЕСА Книга 1. Испытание Верой.: Остеон-Групп;

Москва; 2020

ISBN 978-5-905-707-31-5

Аннотация

Краткая инструкция, как сделать сказочной обычную жизнь. Просто выбираешь старушку и назначаешь её Бабой Ягой. Мнение самой бабушки, при этом не учитывается. Затем напрашиваешься ей в родственники и вот ты уже сам – потенциальный волшебник со всеми вытекающими последствиями. Но чем дальше, тем мудрёней, то ли это старушка так вжилась в роль, то ли выбирал не ты, а тебя...

Содержание

Глава первая. Знакомство	5
Глава вторая. Колдовства нет	24
Глава третья. Пока я здесь, никто не умрёт	36
Глава четвёртая. Дальние болота	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Демьшев
Сказки старого леса.
Книга 1. Испытание Верой

© Алексей Демьшев, 2020.

© ООО «Остеон-Групп», 2020.

Глава первая. Знакомство

– Вот скажи мне, милый мальчик...

Ваня вздрогнул от неожиданности. Как тут не вздрогнуть, когда посреди лесной чащи тебя окликает чей-то голос?

Повертев головой, он увидел странную старушку. Нет, на вид это была бабушка как бабушка: сухонькая, в обычных бесформенных старушечьих одеждах, с платочком на голове. Удивляла только её поза. Она стояла, отвернувшись от мальчика, задрав голову к небу. Опять же обычное дело: стоит себе бабушка посреди леса и смотрит на небо. Ничего особенного, если не брать в расчёт, похожую на крючок, спину. С такой спиной удобно под ноги смотреть, а не небеса разглядывать.

– Вот скажи мне, милый мальчик, какого цвета облако над моей головой? – спросила бабка, не отрываясь от своего занятия.

Ваня поднял голову, закрыл ладошкой сначала левый, потом правый глаз, прищурился и, наконец, уверенно заявил:

– Словно варёный лук в супе.

– В каком супе?

– В гороховом, – затем он ещё раз посмотрел на небо и добавил: – солнце на закат, так что суп будет всё гороховей и гороховей.

– Хороший мальчик.

Старушка опустила взгляд и повернулась к Ване.

– Ух ты! – не смог сдержать возгласа тот, расплываясь в улыбке.

– Ты чего это? Насмехаться надо мной вздумал? – бабушка, грозно засопев, направилась к ребёнку. Но, подойдя совсем близко и в свой черёд разглядев его, тоже непроизвольно вскрикнула:

– Ух ты!

Так и стояли они какое-то время, молча рассматривая друг друга: улыбающийся мальчик и растерявшаяся старушка. Стояли и смотрели друг на друга, почти соприкасаясь... носами. Так как эти носы у них были во всех смыслах заметные. Загибающийся, уже знакомым крючком, с бородавкой, у бабушки и, хоть и без бородавки, но тоже выдающийся, у мальчика.

– Из какой деревни ты, говоришь? – спросила старушка.

– Из Пустоглазовки, – не переставая улыбаться, ответил Ваня.

– Не запоминаю я названий. Это в которой поп рыжий?

– Не-е... Рыжий поп в Семиречье.

– Это где кошки рождаются с двумя хвостами?

– Не-е... Про кошек о Мамалыгинских рассказывают.

– Это там, где 20 лет назад невеста со свадьбы сбежала?

– А я не знаю, чего 20 лет назад было, – растерялся мальчик. – Мне всего 10.

– Не оправдывайся, а лучше сказывай, как вас в соседних

деревнях величают.

– Лешаками кличут.

– Ага, понятно. Тогда тебе туда, – уверенно показала старушка, – к утру будешь у мамки.

– Не буду, – насупился Ваня. – Нету мамки, а к тётке гангрене ни за что не вернусь.

– Чего так? И что за имя такое ненашинское, Гангрена? Немка, что ль?

– Тётку Агафьей зовут. А гангреной, это лекарь городской ругался, когда к нам в деревню заезжал. Я при нём месяц болтался, тогда и запомнил слово иноземное.

– Так чего с тёткой Гангреной... тьфу, прости Господи, – бабка быстро перекрестилась, – с тёткой Агафьей-то чего? Бьёт, что ли?

– Не-а, не бьёт, – пробурчал мальчик.

– Так и буду из тебя слова тянуть, как корову из болота? Говори уже.

– Я горшок разбил, а она меня долгоносим растяпой обозвала.

– Так растяпа и есть. Как без горшка в хозяйстве? Горшок-то велик ли был? Небось, новый?

– Бабушка, – взмолился Ваня, – меня мальчишки на улице за нос дразнят, а тут она ещё. Ни за что не вернусь. Можно я у вас останусь? Даже если вы меня съедите.

– Чего сделаю?! Съем?! Такого костлявого? Боюсь, изжога замучает, – она с сомнением оглядела мальчика, обошла во-

круг и уверенно добавила: – Тебя сейчас только на суп или, на худой случай, в холодец.

– Хоть в суп, хоть в холодец, хоть в окрошку. Лучше уж с Бабой Ягой, чем с ними.

– Значится, я, по-твоему, Баба Яга?

– А то кто? Я вас сразу признал. Бабушка, а нога у вас вся костяная? А ступа у вас есть?

– И ступа есть, и кость в ноге. Шёл бы ты домой, мальчик. Тут недавно дюжина Иванов-Царевичей проезжала, так, что я нонче сытая.

– Бабушка, – заканючил Ваня, – не гоните Христа ради. Я же вон какой полезный для вас буду: хошь – воды натаскать, хошь – дров нарубить.

Старушка с сомнением поглядела на худенькую фигурку мальчика.

– Не сомневайтесь, бабушка. Я жилистый. А как отъемся, так вы меня и слопаете, – выложил он, как ему казалось, самый веский довод.

Старушка ещё раз посмотрела на темнеющее небо.

– Переночуешь у меня, а там видно будет, куда тебя девать. Иди за мной, только след в след ступай, – пробурчала она, направляясь вглубь леса.

– Бабушка, бабушка, – поспешил за ней повеселевший Ваня, – а почему след в след? Чтобы на колдовство какое не наступить? Чтобы в ловушку волшебную не попасть?

Старушка остановилась и дождалась улыбающегося маль-

чика.

– Из какой деревни ты, говоришь?

– Из Пустоглазовки!

– То-то и оно, что из Пустоглазовки. Ногу свою подыми и посмотри, куда попал.

Ваня испуганно поднял ногу, но ничего не увидел, кроме маленького жёлтого цветочка. Старушка проворно наклонилась и расправила помятый цветок.

– Это Солныш, с весны за ним смотрела, как он рос и хорошел... пока не пришёл топотун из Пустоглазовки. Ступай за мной след в след.

Всю оставшуюся дорогу Ване было не до разговоров. Он аж губу прикусил от усердия, дабы опять не наступить на что-нибудь цветущее и растущее. «Это наверняка заколдованные дети, – думал он, – жёлтые и белые – девочки, красные и синие – мальчики. А я, растяпа длинноносая, их – ногами...»

Избушка выросла будто из ниоткуда. Вроде только-только шли и, кроме стены деревьев, ничего не было, и вдруг – дверь.

– Бабушка, а у вас кот чёрный есть? А филин?

– Нету у меня кота. И филина нету.

– Понимаю, – кивнул мальчик, – по делам важным улетел.

Старушка тяжело вздохнула и махнула рукой, то ли надоело спорить, то ли проходи, мол, в избу.

– Ничего руками не трогай, – строго сказала она, – сядь

на лавку у окошка, а я пока завечерю чего-нибудь.

– Что ж я, маленький, что ли, али совсем без понятия? У вас ведь тут всё заколдовано.

Пока бабушка копошилась у печки, Ваня, спрятав, от греха подальше, руки за спину, рассматривал обстановку. Закопчённые стены, низкий потолок, два окна напротив друг друга, одно на восход, другое на закат, старенькая, чуть ли не на треть избы печка. В углу, похоже, икона, настолько потемневшая от старости, что разглядеть лик на ней нет никакой возможности. И вдоль стен пологи, а на них – всякие коробочки, тусски, мешочки, много-много. Ясное дело, зелья всякие. А над потолком у печки травы какие-то сушатся. Стол да лавка, вот и всё убранство.

– Ой! – громко вскрикнул Ваня.

– Ты чего, шебутной? – оторвалась от своих дел старушка.

– Бабушка, вы же сказали, что кота нету.

– Так и есть. Нету у меня никакого кота.

– А кто ж тогда с печки смотрит? Домовой, что ль?

– Это кошка.

– А зовут её как?

– Так и зовут: Кошка. У меня и названия-то в голове не держатся, а уж имена и подавно.

– Здорово вы придумали. Вот захочет кто-нибудь коварно вашу Кошку подманить, все имена переберёт, а ни в жизнь не догадается.

– Это кто ж такой смельчак найдётся?

– Я не знаю. Мало ли врагов у Бабы Яги. Может быть, это даже сам Бабаягаед.

Старушка подошла к мальчику, повернула его лицо на свет, рассматривая глаза, затем потрогала лоб и обеспокоенно спросила:

– Давно по лесу бродишь? Ел ли какие грибы красивые али ягоды незнакомые?

– Вы чего, бабушка, со мной как с маленьким. Мне же 10 годков уже. Да я, если хотите, и до заморозков могу по лесу бродить. Лес, он же добрый: и накормит, и напоит, а уж спится в нём мягче, чем дома на лавке.

– Вот потому и кличут вас соседи «лешаками». Из твоей деревни, почитай, ни один мужик в лесу не сгинул.

– А я думал, потому что стричься не любят, ходят косматые, на леших похожи.

– И это тоже, – согласилась старушка, снова отходя к печке.

– Ой, мыши! – вдруг вскрикнул Ваня.

– Вот егоза, – заворчала старушка, чуть не опрокинув чугунок, – ну откель здесь мыши? Кошка всех споймала, давно в лес за ними бегают.

– Да вон же она, вон, – мальчик показывал пальцем на середину избы.

Там действительно спокойно сидел и умывался мышонок. Бабушка глянула на него через плечо и опять продолжила готовить:

– Какие же это тебе мыши? Это же Мышь. Зовут его так. Глянь, там, на окошке, корешки для него положены. Сунь ему, только один, а то знаю я его, снова всё за раз схрумкает.

– Так он ваш?

– Не-е, я животных не держу. Мне нельзя.

– А как же тогда? А Мышь, а Кошка?

– Кошка сама по себе, приبلудная. И Мыша этого она завела.

– Бабушка, почему ж вам-то животных нельзя держать? – Ваня протянул к Мышу руку с корешком. – Вон как хорошо с коровой-то в хозяйстве или опять же с козой. И молочко, и сметанка.

– Ну, летом я ещё смогу отбрехаться. А вот как посреди зимы заглянут ко мне во двор волки голодные? Тут и растолкуй им на пустой желудок про молочко, про сметанку.

В это время Мышь, косолапя, подошёл к протянутой руке, довольно быстро съел угощение, затем сел на задние лапки и издал тоненький писк. Кошка появилась словно из воздуха. Осторожно взяла Мыша за шиворот и одним прыжком взлетела с ним обратно на печку.

– А чего вам волки, бабушка! Вы – бах! – Ваня махнул рукой. – Одного – в пень. Бах! – другого – в камень.

– За что же это? За то, что он волком родился? За то, что деток надо кормить? Этак весь лес можно в пеньки да каменья перевести.

– Бабушка, а вы меня звериному языку обучите? Чтоб я

хощь с медведем, хощь с белкой поговорить смог.

– Поговорить?! С медведём?! Да ты совсем спятил, чтоль? И о чём ты с ним толковать собрался?

– Ну-у... – Задумчиво протянул мальчик, – сначала, понятно, поздороваюсь, затем скажу, как меня величают. Дальше спрошу его, как детки, как малинка в этом году, уродилась ли?..

Бабушка (впервые с их встречи) улыбнулась.

– Я даже имя ему придумал, – тем временем увлечённо продолжал Ваня, – давайте назовём его Медведь.

– Имя хорошее, спору нет. Только вот тебе первый урок. Если встретишь медведя в лесу, то не шевелись. Стой себе и слушай внимательно. Он тебе сам всё скажет. И имя ему не ты станешь придумывать, а он тебе. И коли назовёт тебя, может Ваней, может Шишкой еловой, может Мухомором с дыркой, значит, так тому и быть. Даже головой мотнуть не смей, стой и слушай. И белку слушай, и волка.

– Бабушка, а с кем же тогда поговорить-то можно?

– Да ни с кем. Ишь, выдумал, где это видано, чтобы человек со зверьми разговаривал?

– Бабушка, вы сами давеча говорили, чтобы слушал я их.

– Слушать и беседу вести – это две разницы великие. Любой зверь тебе при встрече перво-наперво скажет чего-нибудь. Поначалу слышать научись, а уж затем сам балаболить на ихнем пробуй.

– Запутали вы меня, бабушка, то, говорите, нету такого

случая, чтобы человек со зверьём разговоры вёл, то, мол, научись слушать – научишься и толковать на зверином.

– Так и есть. Станешь понимать зверя, почитай ты уже и не человек вовсе.

– Мудрёно, всё у вас, бабушка. Вы бы мне лучше, как Мышу, корешок какой дали, я враз и начну зверей понимать. Али нет у вас?

– Как не быть? Только вот ведь какая незадача с уменьями этими: сколько силёнок приложишь, столь пользы и получишь. Завтра к вечеру пойдёшь до кустиков и выйдет из тебя корешок, а за ним и умение твоё. На ложку хотенья насыпь мешок терпенья.

– Ой, бабушка, как у вас тут здорово всё. Интересно-то как. Вы не подумайте чего, я вона какой терпеливый. Давеча на Пасху мне тётка леденец с базара привезла, так он у меня аж до вечера улежал.

– До самого вечера, не брешешь? – снова улыбнулась старушка. – Я бы точно не дотерпела.

– Как есть, бабушка, – закивал Ваня, – до самого. Правда, – он виновато опустил голову – лизнул я его два разика, да и тётка возвратилась с базара уже за полдень.

Старушка тем временем достала из печки небольшой чугунок и поставила его на стол. Затем выудила откуда-то старую деревянную ложку, вытерла её об подол, положила рядом с чугуном.

– Что это, бабушка?

Ваня боязливо заглянул в дымящуюся посудину.

– А если скажу: жабы печёные али змеи кручёные, станешь есть?

– Что я, басурманин какой? Разве ж можно от угощения отказываться? Небось, хозяйка старалась, хлопотала, а я нос воротить? Жабы так жабы, – с этими словами Ваня зачерпнул ложку и, закрыв глаза, смело отправил её в рот.

– Хлеба бы тебе, да нету, – старушка села напротив, наблюдая, как быстро пустеет чугунок.

– Ничего, бабушка, я не голодный, – жадно поедал варено мальчик, – а жабы, оказывается, по вкусу грибы белые напоминают, только вкуснее.

– Ты смотри, не вздумай их сам варить.

– Отчего же, бабушка? У нас подобного добра навалом.

– Тут это... заговор знать надо... и жабы должны быть непростые. Только те, которые сами в лукошко запрыгнули.

– А если, бабушка, я всё ж попробую такую вкуснотищу дома сварганить?

– Надоел ты мне, – старушка забрала со стола пустой чугунок, вместе с три раза облизанной ложкой, – если сваришь из обычных жаб, да без слов правильных, так сразу и бородавка на носу вскочит.

– Как у вас? – Ваня испугано закрыл нос ладошкой.

– Да поболее. Я то – почитай, всего одно словечко и позабыла.

– Ой, бабушка. Как же вы так недоглядели? Наверняка по

молодости... Мне тётка говаривала: «У молодых всё скоро, да не споро». Это, наверное, когда вам ещё первых ста лет не было?

– Как раз накануне. Совсем стемнело, бери тулупчик в углу да стели на лавку. Спать будем.

– А чего это вы делаете? – удивился Ваня, наблюдая, как старушка раскладывает растения на окошках.

– Вот этой травке, чтобы в силу войти, надо сперва на луну насмотреться. А этой вот, – показала она на засушенный цветочек на противоположном окне, – напротив – первый луч солнечный надобен. Пока солнышко ещё мягонькое, да заспанное. Вот встань пораньше, да погляди, как они встретятся.

– Бабушка, – зевая и устраиваясь поудобней, спросил мальчик, – а почему вы меня не съели?

– Да как же есть-то, коли у тебя такой нос.

– Пожалели, выходит?

Старушка долго не отвечала.

– У деда моего был такой же. И у деда деда. Да и у меня...

– Бабушка, – осенило Ваню, – так может статься, что и вы мне бабушка... ну, то есть пра, пра, пра...

– Спи давай, малахольный, – строго перебила она его.

– Да как же спать-то после такого, – не унимался мальчик, – да как же...

– Спи, сказала. А то в лягушку превращу.

– Не превратите, побоитесь.

– Чегой-то?

– А у меня бабушка – Баба Яга.

Перед тем как окончательно погрузиться в сон, мальчик явственно услышал смешок Кошки.

Утро выдалось погодистым. Ваня потянулся во всю длину лавки, открыл глаза и тут, вспомнив, где заснул, быстро соскочил на ноги. Всё, кроме старушки, было на месте: тёмная избушка, большущая печка, на ней Кошка в обнимку с Мышем. Посреди стола стояла кружка с какой-то настойкой. «Всяко, для меня, – подумал мальчик, немного пригубив. – Вкусненько, земляничкой отдаёт». Допив до конца, Ваня решил заняться по хозяйству. И себе дело, и бабушке подмога, и повод везде залезть из любопытства.

Уже почти в полдень, когда он, лёжа на животе посреди небольшой полянки за домом, рассматривал крохотные фиолетовые цветочки, сзади раздался голос:

– Это Бусики. Если их засушить да затем подсыпать в еду, то мёрзнуть весь день не будешь. Если настоять в воде на печке две недели, да выпить, да намазать место на теле обожжённое, то даже следа не останется. Если просто пучок на заготовленных дровах оставить, то снег ли, дождь ли, а те дрова с первой искры займутся.

– Какие чудные, бабушка, – Ваня не отрывался взглядом от цветов. – Значит, они с теплом управляются.

– Любят они тепло. И оно их любит. Растут токмо посреди полянок, чтобы всё время солнце видеть. И цветут без до-

ждя. Пока Бусик цветёт, дождя не будет.

– А что за название такое – Бусики? Ни разу не слышал.

– Как вижу, так и прозываю. И ты в башке своей кудрявой не имя держи, а сам цветок. Они же, словно люди, вроде и похожи, а все разные. Смотри, сколько их тут. Какой выберешь?

– Не знаю, бабушка. Ровно бусинки одинаковые рассыпаны.

– То-то и оно, а ты примечай получше. Какие склонились, из тех сила уже уходит. Какие с лепесточками неровными, те сейчас собой больше заняты. На которых букашек всяких много, тем тоже пока что не до тебя.

– Нашёл, бабушка! – обрадовался Ваня. – Вона какой красавец прямо на солнце смотрит, – мальчик потянулся, чтобы сорвать цветок.

– Куда лезешь? – строго остановила его старушка, – ну, нашёл ты его и что? Ему, может, интересней тут остаться, чем с тобой идти.

– Как же, бабушка, – опешил Ваня, – как же я узнаю-то?

– Вот глупый какой. Так его и спроси! Да не просто спроси, а выкажи уважение. Расскажи обязательно, что делать с ним надумал, зачем нужен он тебе. Растения, они же в большинстве добрые и не в меру любопытные. А если нет потребности достойной, то чего и тревожить их.

Мальчик убрал протянутую руку от цветка.

– Значит, бабушка, с ними, как со зверьми разговаривать

надо?

– Наоборот. Зверей слушать учись. А с растениями сам говори побольше.

Ваня поднялся на ноги.

– Всё-всё запомню. Ух и жизнь волшебная начинается. Я буду по хозяйству стараться, а вы меня колдовству обучать. Вы, бабушка, со мной поостороже, если что, то и тумака под-
дайте...

– Ты домой сегодня отправишься, – оборвала его старушка

Ваня растерянно заоглядывался и вдруг тихонько заплакал.

– Не гоните, бабушка, Христа ради! Если стесняю вас, так я могу и в лесочке ночевать, а приходите когда разрешите. И кормить меня не надо. Не гоните, бабушка...

Слёзы ручьём текли по немытому лицу мальчика. Старушка долго смотрела на ревушего ребёнка, затем тяжело вздохнула, подошла и отвесила звонкий подзатыльник. Ваня вмиг перестал хныкать.

– Сам просил тумаков не жалеть. Ступай за мной в избу.

В доме бабка усадила притихшего мальчика за стол.

– Слушай меня внимательно, – начала она, – всё, что велю, выполнишь в точности. Первым делом направляйся до дома. Там тебя уже ищут. По лесу ходят – аукают, а назавтра, глядишь, и соседние деревни подтянутся. Так что поспешай. Вот это, – старушка положила на стол небольшой кожаный

мешочек с завязками, – деньги. Не то чтоб деньги, а так – старые колечки серебряные да монетки золотые. Мне они без надобности. А ты их потрать правильно. Закупи продуктов, какие не портятся. Муки али крупы, сам разберёшься. Сделай схрон в лесу, подальше от дома, поближе к чаще. Туда всё и стаскай потихоньку. Как закончишь, насыпь вот этой травки вокруг, – с этими словами бабушка поставила на стол второй мешочек, – это чтоб зверь дикий ничего не тронул. После того, дней так через десять, жди гостей.

– Каких? – не удержался от вопроса Ваня, до того заморожено слушавший с открытым ртом.

– Родственник к вам случайно заглянет... очень дальний. И попросит отпустить тебя на лето к нему погостить. Поможешь ему тётку уговорить.

– А ну как она не поверит про родственника?

– За это не беспокойся. Как увидит, сразу поверит. Спиридон его зовут. Я ему весточку пошлю. Хоть и далеко живёт, а к тому времени как раз успеет.

– Как же, бабушка, он за родственника-то сойдёт?

– Нос у него длиннее моего. Если на лавку рядом сядете, даже Фома неверующий не усомнится. После всего собери, что надобно тебе, в дорогу дальнюю и приходи сюда. Поняли ли?

– Как не понять, бабушка. Всё как есть исполню в точности. И снеди такой заготовлю, что побалую вас от души.

– Эх, милой, что заготовишь, то сам и сопеть станешь, а у

меня давно ни зубов, ни надобности в еде нет.

– Разве ж так бывает?

– Ты утром настой травяной выпил? Теперь, почитай, пару дней есть не захочешь.

– Волшебство, бабушка?

– Травы сильные. Я-то привычная, уж и не помню, сколько лет на одних отварах и настоях, тебе же ещё расти надобно. А как расти-то без хлебушка?

– Точно волшебство... – восхищённо смотрел на старушку Ваня.

– Скучать-то не станешь по тётке в лесу дремучем?

– Тут? Скучать? Да у меня за всю жизнь столько интересного не было, как сегодня за один денёк.

– А ну не обманывай бабушку. Я всё вижу. Говори, что гложет?

– Сестреницу жалко, дочку тёткину. Только со мной и играла в последнее время. Ещё с прошлой осени застудилась видно, уж так она кашляет, так кашляет, что мамка её и на улицу не пускает. И лекарь городской смотрел, и знахарки местные, а только всё хуже и хуже ей.

– Ну-ка покажи, как кашляет, – старушка тихонько покашляла в кулачок. – Так?

– Не, бабушка, во как, – и Ваня старательно изобразил глубокий надрывный кашель. – Только ещё и с хрипотцой.

– А рукой в это время за что держится?

– Вроде к груди прикладывает... точно: к груди.

– Бледная ли?

– Как мельник наш за работой.

– Понятно, – старушка немного пошебуршала на полках и вскорости выставила на стол рядом с мешочками берестяной тусок, – Вот этот сбор травяной настоите на воде ключевой. Смотри, не перепутай, вода обязательно должна быть ключевой, а не колодезной. Утром натошак пару глотков и вечером перед сном столько же. Начнёте в полнолуние, не раньше, не позже. Через неделю в баню сводите и прямо там грудь и спину вот этим намажете, – поставила она второй тусок. – Как легче станет, так можно кормить начинать, а пока настой пить будет, чтоб постилась, словно на чистый понедельник, только хлеб и воду можно.

– Запомню, бабушка. А что тётке сказать?

– Скажешь: пока по лесу бродил, уснул, и видение тебе было. Мол, мамка во сне приходила... нет, врать без нужды не след. Говори: бабка во сне приходила и наказала, как сделать. А когда проснулся, то и травки стоят и дорога домой видна. Поверит?

– Как не поверить, если без малого так всё и было.

– Ступай тогда. Двигай на солнце. Как упрёшься в болотце, огибай его с правой руки. Дальше всё время вверх по холму. Найдёшь зимнюю сторожку охотников, а от неё уж и тропинку видать.

Старушка сложила поклажу в запылённую наплечную котомку и вывела мальчика на улицу.

– Побегай. Коли поторопишься, то должен поспеть к ночи.

– Бабушка, – Ваня обнял старушку, уткнулся в неё и, всхлипывая носом, спросил, – а ну как не дойдёт весточка ваша до Спиридона и не дождусь я родственника моего?

– Ты не беспокойся даже, – старушка погладила мальчика по голове, – Баба Яга я или кто? Враз Мыша переколдую, да к тебе отправлю. Побегай, не тревожь бабушку.

Глава вторая. Колдовства нет

– Бабушка, – Ваня выпрыгнул из-за печки на середину избы, – испугались?

– Здравствуй, здравствуй, внучок названный, – старушка закрыла за собой входную дверь и не торопясь начала выкладывать из котомки травы. – Не напужал, я тебя давно заприметила.

– Человечий дух почувствовали?

– Помыться тебе, конечно, надобно... токмо дело не в том. Ходишь по лесу как кабан напуганный. За тобой тропа стелется, ночью без фонаря видать. Пошто веточку надломил у сосенки возле ручья?

– Случайно, бабушка, – виновато заоправдывался Ваня, – поскользнулся я.

– Ладно, сказывай, где задержался. Я тебя ещё третьего дня ожидала.

– Ой, бабушка, всё как есть расскажу, – мальчик удобно устроился на лавке возле окна. – Сделал, как велели. Богатство, вами даденное, почти всё сохранил, потому как догадался колечки да монетки к лавошнику по одной таскать. Схрон надёжный заделал, отсюда всего часа четыре ходу, травку вашу от зверя вокруг раскидал.

– Молодец – удалец. Только чую, не всё так гладко, как сказываешь.

– Да разве от вас чего укроется, бабушка, под землёй видите... – Ваня тяжело вздохнул. – Пришлось тётке всю правду рассказать.

– Это какую из правд?

– То, что встретил в лесу Бабу Ягу и то, что она мне зелье волшебное для сестреницы дала. Я не хотел, бабушка, но ведь народ-то деревенский порешил, что тёткина дочка и год ентот не переживёт, а после вашего колдовства уже к концу месяца по двору за курами бегать стала. Тётка меня к приходскому батюшке решила сводить – про чудо такое чудесное пересказать. Спужался я сильно, в церкви же не слукавишь, враз черти утащат. Вот и пришлось ей всё как на духу выложить.

– И тётка чего, поверила?

– Вначале только ухмылялась, а как начал вас описывать, так и присмирела. Только охала да крестилась.

– Удружил ты мне, внучок. Как бы не пришлось дальше в лес переселяться.

– Ой, бабушка, вы не беспокойтесь, тётка, видно, на радостях совсем рехнулась. Говорит, что вас Марфой кличут, – Ваня засмеялся. – Бабу Ягу – Марфой, вот смеху-то. Спутала вас. Говорит, что сама ещё невелика была, когда ента Марфа в соседних Капушках проживала. Мол, самая, пресамая великая целительница была. Что все травы были ей знакомы и понятны. Что к ней из самой столицы за помощью приезжали. И у ворот её весь день народ толпился.

Старушка молча смотрела в окно. Ваня, поощрённый её вниманием, поспешил продолжить.

– Как-то раз пришли утром, а Марфы той и след простыл. Хозяйство, как есть, не тронута, словно испарилась, только собака привязанная скулит.

– Не привязанная, а в доме оставлена, чтобы следом не увязалась.

– Ой, бабушка, а вы-то откуда знаете?

– Да как не знать. История-то шумная была.

– Выходит, с этой Марфой вас и попутали. Разве же можно знахарство обычное с вашим волшебством сравнивать.

– А где ты разницу-то увидел? Я ведь тебе лишь травки дала для настоя.

– Ну да, скажете тоже. Почему ж воду велели брать ключевую, а не колодезную?

– Потому как без воды никто не сможет прожить. Ни цветков, ни зверь, ни человек, ни мошка мелкая. Выходит, вода и есть сама жизнь. Дальше надобность смотреть надо. Поскольку болезнь давно в сестренице твоей пристроилась, значит, уже устоялась. Отсюда стоячую воду, колодезную, не след использовать, только бегущую, лучше ключевую.

– А почему в полнолуние начинать приказали?

– Потому как мы травкой этой болезнь к луне привязали. Луна пошла на убыль и болезни за ней пришлось отправляться.

– Колдовское волшебство! – Ваня восхищенно смотрел на

старушку. – Нет, скорей, волшебное колдовство. Бабушка, а почему кормить её запретили?

– Для верности. Вот представь себе, что ты болезнь лютая. И живёшь ты в девочке маленькой припеваючи. Лежи себе на печке да лопай калачи с пирогами. Кто ж от такого уходить захочет. А если кормить перестать, то уж не так сладко, и хватка у той хвори по-любому ослабенёт.

– Я вам, бабушка, ещё не всё рассказал. После того как вы ко мне Мыша подослали...

– Кого? – удивлённо перебила старушка.

– Под видом Спиридона, родственника дальнего. Я-то Мыша сразу признал. Ох и сильно у вас колдовство, бабушка! Когда тётка из избы на минутку выскочила, я его под столом коленкой толкнул и спрашиваю тихонько, как, мол, здорovie у Кошки. Так ведь он и глазом не повёл, ничем себя не выдал, даже сделал вид, что не понимает о чём речь.

– Ну да, ну да... как же я про Мыша-то запомнила.

– Так вот, опосля того как тётка меня отпустила, сестреница в руку вцепилась и в рёв. Мол, ни жить, ни быть, с тобой пойду.

– Тааак... – старушка с опаской глянула за печку, – надеюсь, ты один пришёл?

– Ну что вы, бабушка, мала она ещё по Бабам Йогам ходить. Пришлось только и ей всю правду выложить.

– Я тебе вечером травку одну дам, – подозрительно ласково сказала старушка, – так ты уж, мил друг, будь добр,

уважь бабушку, скушай её без остатка.

– Конечно, бабушка, как скажете. А что за надобность, для умения какого?

– Не решила ещё. Думаю, али чтобы прыщ на языке вскочил, али чтобы вместо слов мычанье у тебя выходило.

– Не губите в расцвете лет! – Ваня бухнулся на колени. – Коли прогневал вас чем, так простите дурака непутёвого! Не мог я ребёнка плачущего просто так оставить. Тайну великую ей поведал о Бабе Яге.

– Да, не долго той тайне великой быть, коли о ней уже, почитай, полдеревни ведаёт.

– А что вам, бабушка, заколдуете всех, да и вся недолга.

– И я о том же. Проще одного болтливого мальчика обезголосить, чем по деревням шастать. И вообще, уморил ты меня с колдовством энтим. Завтра я тебе покажу, что нет никакого колдовства.

– Как же нет-то, если вы с первой секундочки знакомства только чудеса и творите?

– Коли не хочешь прыщ на язык, то помолчи до заката, – с этими словами старушка вновь занялась травами.

Вечером в потёмках, лёжа на лавке, Ваня осторожно продолжил разговор:

– Бабушка, не спится мне. Расскажите чего-нибудь. Вы, наверное, столько интересного знаете, что и вся деревня наша не знает. Да что там деревня, вся сторона наша. Да что там сторона, всё государство. Да что там государство...

– Угомонишься ты али нет?

– Бабушка, а вы лешего видели? А кикимору? А можно ль волшебством с мертвяком поговорить? А ступа ваша быстро ли летает? Бабушка, расскажите про Марфу-целительницу, с которой вас спутали. Уж больно уважительно о ней тётка вспоминала.

– Нету Марфы-целительницы, – вдруг ответила старушка, – была и вся вышла.

– Это понятно. Коли всей деревней не нашли, то значит и нет её. Только страх как любознательно, что с ней стало-то.

– Устала она от людей. Ей бы всё травки собирать да с цветами разговаривать, а к ней народ выстроился от ворот до заката. Помогала она им, как могла, пока не стали с глупостями надоедать. То мужика приворожи, то разлучницу отвадь, то погоду на сенокос обеспечить... А тут ещё люди важные из города про неё прознали, потребовали, чтобы Марфа к ним сама ехала. Вот и ушла она. Собаку накормила и ушла.

– Куда, бабушка?

– Далеко... на север, где людей поменьше.

– Вы, бабушка, похоже, знавали её?

– Знавала – и Марфу, и собаку её.

– А вы утром правда мне колдовство покажете?

– Ну, раз обещала, то покажу. Не побоишься?

– Бабушка, да я за вами хоть в лес, хоть в болото, хоть к Кощею на именины.

– Тогда подготовиться следует.

Ваня приподнялся с лавки:

– Чего делать надобно?

– Помолчать до рассвета.

Мальчик громко вздохнул, но удержался от ответа, снова устраиваясь на лавке.

Проснулся Ваня от запаха. Да такого вкусного, такого аппетитного, что сил никаких нет. Мальчик уселся на лавку и заморожённо уставился на печку. Рядом с лавкой на полу, тоже не отрывая глаз от печки, замерев, сидели рядком Кошка с Мышем. Все трое даже не шелохнулись, когда за их спинами скрипнула дверь.

– Я тут в котомке твоей порылась да крупичицы взяла на кашу, скоро поспеет. Беги шустрей на ручей. Каша неумытых не любит.

– Бабушка, – через какое-то время Ваня, сидя за столом, нахваливал варево, – вы и кашу колдовством варите?

– Я тебе ещё вчера сказывала, что нету никакого колдовства.

– Как же нету-то, когда такой вкусотищи, поди, и в царских хоромаш не едали? Как же без колдовства, когда хочется чугунок вывернуть да облизать.

– Ну, добавила чуток травки. Специально для нерадивых жён имеется. Я её зову объедень луговой. С такой приправой и дрова мелко порезанные на праздничный стол можно ставить.

– Колдовство, – довольно согласился мальчик.

– Вот ведь упрямый, как козёл однорогий. Кончай с трапезой, да начнём в лес собираться.

– Бабушка, мы пойдём смотреть, что волшебства никакого нету?

– Так и есть. Только подготовиться надо. Со стола приברי, посуду помой, сам снова помойся.

– Это-то зачем? Чай, не в церковь собираемся, а в чашу дремучую.

– О тебе же пекусь. Чтобы кашей в лесу не пахло. И вообще, делай что велено.

Вскоре мальчик снова сидел на лавке, сложив руки на коленях, внимательно разглядывая разложенные на столе травы.

– Выполний всё в точности, – старушка показала на сухой пучок с краю. – Понюхай и запомни накрепко. Чем пахнет?

Ваня осторожно взял в руки траву, глубоко втянул носом воздух и удивлённо уставился на старушку: – Вами пахнет, бабушка.

– Правильно. И от тебя так должно в лесу пахнуть. Распихай пучок ентот по одежде своей. За ворот сунь, во все складочки, да в обувь побольше, небось ноги-то не помыл.

Мальчик тщательно выполнил указания.

– Теперича бери другой кустик со стола. Это та же травка, только свежая. Натирайся ею во все места, кои из рубахи да портков торчат... шею три к волосам поближе, руки, уши. Что осталось – в рот засунь да жуй не глотаючи. Рот вя-

жет? – переспросила старушка, глядя на перекошенное лицо Вани, – это хорошо, сильная травка, значит. Ещё жуй... те-перича снова втирай чего нажевал.

Бабушка внимательно осмотрела мальчика, тщательно обнюхала его и осталась довольна.

– Вроде готов. Бери со стола мешочек на верёвочке, вешай на шею. Не вздумай снимать, пока в лесу живёшь. Пошли.

Выйдя на улицу, старушка строго сказала:

– По левую руку от избы далеко не плутай.

– Почему? – еле смог выговорить непослушным ртом мальчик.

– Скоро увидишь, – с этими словами бабушка довольно ходко направилась именно туда, куда запретила ходить.

Шли быстро, иногда притормаживая, когда старушка неожиданно нагибалась к какому-нибудь растению, что-то бормоча себе под нос. Наконец и к Ване вернулся дар речи.

– Бабушка, а чем это вы меня намазюкали? Травы колдовские?

– Опять за своё. Лечебник это болотный. Травка как травка, по виду ни в жизнь не отличишь от обычной. Только по запаху. Запомнил, как пахнет?

– Умирать буду, бабушка, а навряд ли забуду, пропах ею словно скотный двор навозом.

– Вот и славно.

– А чего лечит-то этот Лечебник?

– Да почти ничего. Я его чуток в сбор от косоглазия до-

бавляю да иногда в настой от хромоты суставной.

– Как же, бабушка... зачем же?

Старушка остановилась, прислушиваясь:

– Кажись, пришли. Теперича молчи, от меня ни на шаг.

Они тихонько вышли на полянку и замерли. Ждать пришлось не долго. Внезапно кусты затрещали, и оттуда на них с рёвом выскочила огромная медведица. Не пробежав и двух метров, она резко замерла на месте, поведя носом. Затем как-то сразу успокоилась и даже довольно заурчала. На её зов из кустов следом появились два медвежонка. Один из них сильно прихрамывал на заднюю лапу. Медведица тихонько подтолкнула его мордой в сторону людей. Тот, поскуливая и постоянно оглядываясь на мать, подошёл к старушке.

Ваня оцепенел. Рядом с ним на поляне стояла громадная медведица, да ещё и с медвежатами. Он почти не дышал от страха, поэтому не с первого раза расслышал, что его зовёт бабушка.

– Помоги же, говорю, олух царя небесного... да тихонько... не торопись. Держи мягко, но крепко... да куда ж ты спиной к медведице, повернись лицом... пусть она тебя видит, руки ей всё время показывай. Вот так... – шептала бабушка, одновременно ловко осматривая медвежонка. – Слава Богу, ничего страшного. Накололся где-то играючи да занозился... держи крепче, – с этими словами старушка что-то там дёрнула, куда-то даванула так, что медвежонок отча-

янно завизжал. Ваня втянул голову в плечи и скосил глаза на медведицу. Та стояла всё так же спокойно, продолжая принюхиваться.

– Готово, – старушка положила на ранку какой-то листочек, предварительно поплевав на него, достала лоскут материи и перемотала ранку. – Ну-ка, дай-ка мне из твоего мешочка на шею травинку одну. Она засунула её под повязку и отпустила медвежонка. Тот, скуля и жалуясь, припустил со всех ног к матери. Медведица, обнюхав его, стала пятиться назад и вскоре исчезла в кустах.

– И нам пора, – тихонько сказала старушка, так же, как медведица пятясь спиной вперёд. – На сегодня довольно.

Уже в темноте, лёжа на лавке перед сном, Ваня снова заговорил.

– Бабушка, вы мне больше неколдовство не показывайте. А то я после вашего неволшебства до сих пор заикаюсь.

– Дурень, сам же видел, всё дело в травке обычной. Это Лечебник болотный, есть ещё лесной и полевой. Но болотный – самый редкий и самый пахучий. Им все звери без разбору лечатся. Они как его учуют, так тихие становятся. Пока ты им пахнешь, никакая животино тебя не тронет. Так что нет никакого колдовства.

– Да, бабушка, как скажете, бабушка. Нет, так нет... токмо сдаётся мне, сказали бы вы тому медведю сегодня камаринскую сплясать, так он сейчас бы ещё кренделя выписывал. Если уж это не колдовство, то и говорить не о чем. Я,

бабушка, грешным делом чуток сумлеваться начал, что вы Баба Яга. А сегодня вы мне показали, что колдовства-то нет. Так показали, что уж больше и сомнений никаких... Медведица сама дитёнка своего на лечение отдаёт. Какое же это волшебство?

– С медвежонком не нарочно вышло. Я думала токмоazole медведей постоять да уйти. А оно вона, как получилось. Лапку наколол. Животные сильно этот запах чувствуют и понимают, особенно когда больны. И ты впредь запомни: если в лесу подойдёт к тебе волк там какой или лось, к примеру, то, значит, плохо ему, а от тебя запах лечебный идёт. Помоги чем можешь.

– Как не помочь. Знамо дело, помогу. Кто я? Внук Бабы Яги или поросыачье ухо? Вот только подучусь у вас малёха колдовству великому и помогу...

Глава третья. Пока я здесь, никто не умрёт

– Я готов, – Ваня уселся за стол, поправил рубашку и даже попытался руками на пробор уложить непослушные волосы, – учите меня колдовству.

– Ишь, шустрый какой, может, колдовство само не захочет тебе покориться, – старушка на какое-то время отвлеклась от перебирания травы.

– Да как же, бабушка, – мальчик заёрзал на лавке, – вы же обещали. Я стараться буду, всё запомню, всё в точности повторю, всё, как велите, исполню.

– Я тебе давно сказывала, что делать. Токмо стараний пока не вижу.

– Почто наговариваете? Вы мне сегодня велели хвороста натаскать, воды набрать да на чердак не лазать. Знали бы вы, как тяжело было последнее исполнить... любопытственно же...

– А ты залезь, залезь. Враз мышью летучей обернёшься.

– Ой, бабушка, расхотелось мне. Чего я на том чердаке не видел?

– Тебе ещё в первый день сказывали: учись животных слушать и с растениями говорить.

– А я что? А я так и делаю. Кошке вчерась полдня внимал.

– Это когда с леса возвернулась, а вы вповалку на печке спите?

– Сморился чуток. Так этмо опять же от старания.

– Ну и чего тебе Кошка наговорила?

– Молчаливая она у вас какая-то. Может, немая...

Мяу... – донеслось с печки. – Слыхал? – старушка подняла крючковатый палец. – Говорит, сам ты немой. А с растениями чего?

– Нуу... побеседовали с кустами ближайшими о погоде.

Бабушка протянула Ване цветок со стола, – На, общайся, чтоб я видела.

– Здравствуйте, цветок, – забубнил мальчик, – хорошая погодка сегодня. Меня зовут Ваня. Мне 10 лет...

– Ты чего это делаешь? – грозно перебила старушка, – так ты с камнем неживым говорить будешь... да и с камнем так нельзя. Енто же цветок. Всё слышит, всё понимает.

– А как же, бабушка?

– Подь со мной, – с этими словами старушка решительно встала, не глядя на мальчика, вышла из дома и засемила в лес.

– Смотри чудо расчудесное. Посреди ельника дуб столетний, – бабушка подвела Ваню к огромному дереву. – Этот дуб здесь стоял, когда о тебе ещё не слыхивали. Этот дуб тут рос, когда ещё твои родители босиком за своими мамками бегали. Этот дуб был выше всех, когда ещё твоих дедушки с бабушкой в помине не было... Ладно, ладно... одна бабушка

с длинным носом уже была бабушкой. Ты подойди, потрогай его.

Ваня приблизился и осторожно положил руку на шершавый ствол.

– Он такой сильный, что можно такой силищей всю землю спяхать отсюда до моря, – продолжала старушка. – Он такой умный, что все умники в мире вместе взятые и половины его не знают... Вот тебе задание важное: обними это дерево, насколько рук хватит, и стой так, пока сами слова не польются. А там уж не сдерживай себя.

Бабушка развернувшись, ушла. В течение дня она пару раз специально проходила мимо, слушая обрывки фраз, раздающиеся из-за деревьев:

– «...я Сеньке Рваному за это в глаз дал. Он меня побил, но я всё равно ему при встрече снова в глаз дам...», «...скупаю я по мамке, иногда аж до слёз...», «...девчонка эта жутко вредная, но красивая...»

Вернулся Ваня в избу, когда уже стемнело. Молча опустошил поставленную перед ним тарелку с кашей. Так же молча расстелил тулуп на лавке и улёгся на бок лицом к окну.

В этот раз первой в темноте заговорила старушка:

– Эй, будущий кудесник, здоров ли?

– Бабушка, – тихонько ответил мальчик, – а они все такие, растения эти?

– Какие такие?

– Ну, такие... Я же чувствовал, что он меня слышит, дуб

ентот. А чего я пересказать не мог, то он и без слов понимал.

– Да уж не глупей нас с тобой точно. Вот ты с утра соскочишь с лавки и бежать куда ни попадя, а они на одном месте стоят всю свою жизнь. И жизнь та у кого один день, а у кого сотни лет.

– И что, бабушка?

– Ну вот знал бы ты, что вся летопись твоя в один денёк поместится. Как бы тогда каждой встрече, каждому лучику солнечному, каждой дождинке радовался. А окажись наоборот, пятьсот лет на одном месте замереть. Сколько бы мыслей наимудрёных за это время посетило!

– Бабушка, можно я завтра, когда за продуктами пойду, тихонько в деревню заверну. На сестреницу свою гляну. Беспокойно мне за неё.

– Она ж с мамкой. Не нравится мне это.

– Да я ж издалека, никто не заметит.

– Скучаешь?

– Совсем малёхочко.

– Чую, не к добру это, ну уж куда тебя девать-то, побегай.

– Спасибо, бабушка.

– За что? Тебя тут никто не держит.

– За дерево сёdneyшнее. Наперёд наука.

Как ни старался Ваня проснуться вместе с бабушкой, ещё ни разу у него не получилось. Вот и сегодня вроде встал с первыми лучиками, а её уже и в доме нет. На столе, как обычно, кружка с настоем полезнушим. Выпил да ушёл в дерев-

ню. А старушке весь день беспокойно было. И травы не собираются, и дела не делаются. Вернулась она к дому и усе-
лась на порог мальчика ожидать. Как в воду глядела. Появился
тот к вечеру чуть живой от усталости, видно, всю дорогу бе-
гом бежал. На руках кулёк из лоскутного одеяла, а из него,
батюшки святы, ножка детская свисает.

– Что ж ты делаешь-то со мной? – только и смогла вымол-
вить старушка.

– Бабушка, бабушка, я быстрее не мог, – слёзы в три ручья
текли по лицу мальчика. – Бабушка, он умер, да? Ребёночек
умер? Я не успел, да?

– А ну цить! – строго прикрикнула старушка. – Пока я
здесь, никто не умрёт. Неси его в избу и клади на стол.

Развернув одеяльце, бабушка стала внимательно рассмат-
ривать неожиданный подарочек. Им оказалась девочка, годика
полтора от силы.

– Слава Богу, жива, – выглядывал из-за спины Ваня.

– Надолго ли? Уж больно слаба...

– Бабушка, родненькая, наколдуйте чего-нибудь скорее.

– Тут суетиться нельзя. Это же дитё малое. Второй попы-
точки не будет. Следи внимательно и учись. Видишь, вороча-
ется только в левую сторону. Значит, вправо сильнее. Ищем
с еного бочку. Теперича гляди дальше: правая ручка резче
сгибается, а правая ножка почти не шевелится. Значит, бо-
лезнь книзу правого бока.

Старушка наклонилась совсем низко:

– На тельце ничего не видать, ни пятнышка, ни вздутия, значит, хворь вглубь ушла, – затем она медленно провела пальцем по выбранному месту, остановившись лишь раз вместе с замершей на миг девочкой. – Плохо дело. Тута ни огонь, ни ветер не помогут. Топить придётся.

– Кого топить? – с ужасом вскрикнул Ваня.

– Хворь коварную. Кого ж ещё?

Старушка замерла, на некоторое время что-то обдумывая, наконец решительно тряхнула головой:

– Чего встал как истукан? А ну бегом.

– Куда, бабушка, в деревню?

– Дурында, за избу бегом. Там где-то у стены старое корыто валяется. Найдёшь, отмоешь с песочком – и сюда. Шелкись поживее, а я пока с травами разберусь.

Когда Ваня вскоре появился на пороге с чистым корытом в руках, то поначалу даже отпрянул от пахнувшего на него аромата, почти вся избушка была заложена травами. Туески, мешочки, коробочки были сняты с верхних полоков, раскрыты и разложены повсюду. Ими были заставлены и стол, и подоконник, и даже печка.

– Ты где ребёночка такого болезненного нашёл? – спросила старушка, не отрываясь от только ей понятного перекармливания трав.

– Ой, бабушка, не виноват я, – мальчик шмыгнул носом, – соседки это нашей. У неё за пять годков третий народился, и все трое померли ещё малыыми... точнее, этот третий

будет, если не выживет. Ей, видимо, тётка сказанула, что я Марфу-целительницу встретил. Вот она и сидела за огоро- дом все эти дни, меня высматривая. Даже до избы дойти не дала. Вцепилась в руку, глаза бешеные и ревьёт белугой.

– А ты чего?

– Знамо дело, говорю, никакой Марфы в помине не видел. А она в ответ, мол, всё одно, ни ребёночку, ни ей не жить больше на этом свете. Лучше сразу на себя руки наложить, чем каждый год, через год детей хоронить. И муж, мол, тоже грозитя выгнать её такую из дому. Сунула мне свёрток в руки да краюху хлеба за пазуху и свалилась без чувств прямо у забора. Я и сиганул к вам, бабушка.

– Хлебушек, говоришь, дала? Это хорошо... Так... лавку к печке двигай, ставь, чтобы огонь видно было. На неё коры- то, в него воды налей. Следить будешь всё время, чтобы вода та ни холодная, ни горячая была... Поспешай, не торопясь, а я к тому времени с настоями разберусь.

Вскоре всё было готово. Девочку тихонечко опустили в воду, уже полную трав. Бабушка устроилась у изголовья, рас- ставив рядом с собой всю, какая была, посуду в доме. В каж- дой что-то плескалось, а в одной даже пузырилось.

Ночь прошла беспокойно. Ваня то подливал воды в коры- то, то чего-то приносил по наказу старушки, то забывался в коротком сне, сидя прямо на полу у стенки.

День прошёл ещё тяжелее. Бабушка ни разу не отошла от купели, становясь с каждым часом всё мрачнее и мрачнее.

Наконец, ближе к вечеру, подозвала мальчика к себе поближе.

– Не отпускает её болезнюка проклятая. Видно, и вправду колдовать придётся. Я там за образок припрятала, тщи сюда. Думала, не сподоблюсь больше, да выходит, судьба такая.

Ваня осторожно достал из-за иконы запылённый мешочек с завязками и передал старушке. Та в свою очередь ловко вынула из него на свет маленький корешок.

– Что это, бабушка?

– У этого и названия-то нет... Запоминай строго. Вода должна быть тёплой. Каждые три часа давай ей мякиш хлебный, в тряпицу завёрнутый, пусть посасывает. Коли красненькая станет да заворочается, то в эту миску мякиш ма-кай, – показала старуха на расставленную возле неё посуду. – Коли ослабнет да побелеет – в эту кружку. А если, дай Бог, уснёт, то на губки ей отсюда капай.

– Бабушка, вы так говорите, как будто собрались куда.

– Можно и так сказать.

– Бабушка, не оставляйте меня! Вдруг не справлюсь...

– Не бойсь, помни, чей ты внук, да и куда ж я денусь, тута буду... почти вся, – с этими словами старушка сунула корешок в рот.

Ваня отпрянул, даже руки поднял, чтобы лицо прикрыть, мало ли... колдовство всё таки... Но ничего не произошло, бабушка уселась поудобней на лавке и стала, не мигая, смотреть на огонь. Почти час не шевелилась, вдруг неожиданно

плавно поднялась, словно и не старуха вовсе, прошла по избе от окна к окну, понюхала какой-то пучок, погладила какой-то цветок, села рядом с корытом, наклонилась и начала что-то нашёптывать, будто убаюкивает кого.

Поначалу Ване боязно было, затем понял, что бабушка его и не замечает вовсе. Он даже позвал её тихонечко, а один раз, осмелев, рукой коснулся, но старушка, как склонилась над корытом с девочкой, так и продолжала шептать... всю ночь... и весь день... и ещё ночь...

И только на утро третьего дня совсем выбившегося из сил мальчика, задремавшего прямо на полу возле печки, разбудил знакомый голос.

– Всё богатство своё проспидишь. Подымайся ужо.

Ваня подскочил как ошпаренный. Огляделся и, никого не увидев, бросился на улицу, чуть не столкнувшись со старушкой. Та сидела на пороге, щурясь на солнце.

– Ой, бабушка, я и прикорнул-то только минуточку одну. Всё глаз не смыкаючи, бдил.

– Да мы, почитай, уже часа два с подружкой твоей новой храп богатырский слушаем. Горазд ты носом свистеть, прямо как свёкор-батюшка апосля попойки.

– Простите, бабушка, уморился.

– А ты как хотел? Не передумал ещё колдовству учиться?

– Ой, боязно.

– А у тебя вроде как и выбора больше не осталось. Теперича каждый будет норовить тебе болячку свою показать. Так

и станешь всех ко мне в лес таскать?

– Боязно, что могу не оправдать доверие ваше, учите меня, бабушка.

– С этим погодим пока. Сейчас топай в деревню свою, ребёночка отнеси родителям, с ума поди сходят. Девочку я покормила, спит она. Мамке её накажешь, чтобы поначалу молока побольше давала.

– Понятно дело, молочко вона какое приятное.

– Молоко крепит сильно, а ей этого сейчас больше всего и надобно. Скажешь, что здорова она и дочка её теперь здорова... А ну, сделай рожу пострашнее...

Ваня сначала не понял, затем попытался скривить гримасу.

– Во-во, с таким видом муженька у ней на разговор отзовёшь. Перескажи ему так: бабка, мол, которая лечила, сказывала, что жена его здорова, а гнилуха в нём прячется. И если он, поганец, ещё раз попрекнёт бабу, то она сама проследит, чтобы у него отсохло... – старушка замолчала.

– Что отсохло? Рука али нога?

– Не говори, чего, пушай сам угадывает. Так доходчивей будет.

– Бабушка, а как вы узнали, что болезнь в нём сидит?

– Да откуда ж мне знать, но им сподручней станет так жить.

– Я мигом обернусь, одна нога здесь – другая там.

– Не торопись. Когда возвернёшься, не пугайся, я спать

буду.

– Долго?

– Как получится, последний раз после еного корешка аккуратно неделю продрыхла.

– Ух ты... Бабушка, а что за корешок такой? Неужто совсем названия нет?

– Как не быть, есть, наверное... Только я тебе уже сказывала, не запоминаются мне названия людские. Как вижу цветок, как чувствую траву, так и прозываю по-своему.

– А чего ж этот-то без имени?

– Не подходят к нему слова обычные. За всю жизнь три разика пришлось попробовать, и все три раза он разный был.

– А шептали вы чего? Заговоры колдовские?

– Кто-то заговором колдовским назовёт, кто-то отворотом лечебным, а кто-то молитвой святой. И каждый прав будет по-своему.

– А где слова нужные найти?

– А где ты находил их, когда с дубом разговаривал? Тут главное чистым быть и верить. Вот зачем корешок нужен.

– Я тогда, бабушка, его Верником назову.

– Хорошее имя, похожее на него. Пушай так и будет... Да, чуть не забыла, когда возвернёшься, корыто с водой отнеси подальше в лес. Яму выкопай, сколько сил хватит, да туда водичку сбрось вместе с корытом. Землицей закидай, да пометь, чтобы случайно растение какое не сорвать на том месте.

– Не беспокойтесь, так запрячу – нипочём не найдёте.

– Я-то как раз найду. На том месте вскоре гриб особый вырастет, – старушка зевнула, – а из того гриба можно потом средство от тараканов сварить.

– Вы отдыхайте, умаялись, видно.

– И то правда. Всё одно, самое сложное у тебя ещё впереди.

– Вы о чём это, бабушка? – насторожился Ваня.

– Погоди, когда мамка девочки енттой нарадуется вся, побежит спасителя своего благодарить. Вот где настоишься в красном углу, покраснеешься как свёкла. Помнишь, чего сказывала про награду?

– Помню: если чего возьму с людей за лечение, то потом с умения своего отдам.

– Вот и не забывай. А хвалить станут, слова добрые говорить – чтоб как вода с гуся, – старушка снова зевнула. – Марфа-целительница, сказывала, что от людей убежала и из-за таких вот благодарностей.

– Мне не привыкать самую сложную работу делать. Прикрою вас, бабушка, на себя удар возьму – пусть хвалят. Учиться колдовству, так учиться.

– Вот ведь лис изворотливый... Погодь, ещё чуток. Глянь, там хлебца не осталось ли?

– Совсем крохи, горбушечка только.

– Как раз для моего беззубья. Волоки сюда да побегай в дорогу.

Старушка отправила за щеку корочку и стала смотреть, как удаляется в лес мальчик, гордо несущий свою ношу.

Глава четвёртая. Дальние болота

– Всё запомнил, бабушка. Вон тот красненький цветочек два раза макнуть в крутой кипяток, три дня вылёживать на солнце, хранить отдельно от беленьких цветов. Заваривать ночь под крышкой, пить, как прихватит.

– Запомнил, говоришь? Ну а теперь забудь.

– Как же так, бабушка? Я ведь всё в точности за вами повторил. Сами сказывали, что нет надёжней снадобья от кашля.

– Кто запоминаниями с болезнями воует? Ты что ж, и мужика большущего, и ребёночка малого одинаково лечить собрался?

– Не знаю, бабушка, – смутился Ваня, – выходит, ребёночку в кружку поменьше лину.

– Ловко справился. А если кашель у них различный?

– Кашель и кашель, чего его различать-то... сколько их, бабушка, кашлей-то тех?

– Стара я стала, не как раньше, но и сейчас, токмо на слух, пару дюжин непохожестей определю.

– Что же это, зря, выходит, хожу за вами как привязанный, всё в головушке держу?

– Выходит, зря.

– А я не лечить намерился, а колдовать научиться.

– Ты от кашелюки хилой на попятную собрался, а туда же,

колдовать. Тороплив шибко. Иные всю жизнь учатся, токмо дальше запоминания ничего не выходит.

– Что же делать, бабушка? – Ваня опустил голову.

– Как что? Ходи за мной, приглядывайся да на ус мотай.

– Запоминать?

– Да нет же, горе луковое, примечай! Гляди на всё глазами закрытыми, слушай всё ушами заткнутыми, слова для беседы не из головы бери. Рукам доверяй. Может, тогда и подпустит тебя колдовство к себе поближе?

– Не понимаю. Как же можно рукам своим верить?

– К примеру, помнишь ты, что надобно в снадобье две щепотки тёртого корня добавить, а рука дрогнула в неожиданный момент и три щепотки бухнула. Не просто так это. Доверяй рукам.

– Хитрите, бабушка. Прежде чем сыпнуть, надо бы знать, чего сыплешь. А для того всё запомнить следует.

– Сам посуди. Коли я даже имя своё позабыла, то как травы все упомню. Да ещё и где прорастают, да когда срывать, да как сготовить, сохранить... а если сбор сложный из сотни трав? Всей деревней не упомнить, а уж одному человеку и пробовать не след.

– Ох, мудрёно!

– Глаза боятся, руки делают. Что колдовать, что лечить, что кашу варить – пока не попробуешь, не освоишь.

– Да если я кашу пересолю, хуже, чем половником по лбу, вреда не будет. А если кого залечу до чесотки или наколдуо

кого в жабу?

– Потому кашеваров стоящих не так много, а лекарей и того меньше, а колдуна порядочного днём с огнём не сыщешь.

– Незачем нас искать. Правда, бабушка? – повеселел Ваня.

– Правда. Вот сегодня мы с тобой к дальним болотам пойдём, так тама, если что, даже волкам голодным наши косточки не найти.

– Чего ж волков мучить, может лучше в ближний лесок, чем на дальние болота?

– Не боись, пострел. На болотах дюже забавные травки прорастают. Ты ж колдуном наметился стать, в таком разе для тебя болото заманчивей леса должно быть. Травы там силы большущей, токмо сила та к лечению не приспособлена.

– А на что тогда они?

– На обман хороши. На смертушку безвременную. А уж яды получаютя – загляденье одно.

– Ой, бабушка, зачем же лекарю трава такая?

– Болезнь обманывать. А ещё, бывает, когда совсем гиблый случай, следует умертвить тело вместе с хворью. Затем вновь оживить. Вот была бы у нас давеча нужная травка с болота, когда девчоночку малую врачевали, то не мучились бы так долго, да и корешок бы сохранили, который ты Верником прозвал.

– Так может, мы с вами и Верника полмешка заготовим, раз он такой волшебный?

– Его найти большая удача требуется, а правильно взять

ещё постараться придётся.

– Расскажите, бабушка, где прорастает этот чудо-цветок невидимый?

– Чего ж сразу невидимый? Он не прячется ни от кого, издалека красуется. И не цветок это, а деревце небольшое. Тебе... да и мне по пояс будет. Растёт прямо из камня, обычно на берегу речки али другой воды бегущей.

– Ой, чего ж говорите, несчастый он? Да я много видал таких.

– Таких, да не таких. Деревце должно на самой верхушке скалы стоять, чтобы ветрами обдувало. Часть корня в камне скрыта, а часть наружу висит. И коли последуешь за ним, то заметишь, что оно всегда наполовину сухое. Листочков на нём не больше десятка. А в следующий раз придёшь, глянешь, и та часть, что мёртвая была, зазеленела, а другая взамен присохла. Это жизнь и смерть в нём по кругу ходят.

– А дальше как?

– Отслеживать надо долго. И когда аккурат посерединке перемены жизненной корешок, торчащий из камня, встанет, следует самый кончик срезать да сразу землицей замазать, чтобы деревце не выпустило из себя ничего.

– А если не утруждать себя ентим?

– Тогда погибнуть может. Заруби себе на носу: не приведи тебя Господь дерево загубить без крайней нужды. Сразу можешь крест ставить на всём своём колдовстве.

– Отчего ж строгость такая?

– Это с травами и цветами можно напрямую договориваться. Природа их для того и сотворила, чтобы всяких живых тварей кормить. С деревьями ж другой колленкор.

– Да кто ж, бабушка, за них вступится?

– Земля-матушка и заступится. К примеру, погубишь ты забавы ради рябинку молодую, так только и проблем, что от своего земного покровительства тебя отлучит. А коли тот же дуб столетний изведёшь, так даже я с тобой рядышком повоюю постоять. Не жилец, одним словом.

– А я думал, колдуну всё дозволено.

– То, что люди приметам да суевериями прозывают, у колдунов, знахарей, целителей значение имеет. Правильный колдун никогда огонь не затушит – дождётся, чтоб сам прогорел. В воду камень не кинет. Против ветра в путь не отправится. Вот куда сейчас дует?

– Вон туда, – показал Ваня рукой.

– Выходит, дождались, значит, и нам пора в дорогу.

Ещё на полпути старушка запретила Ване болтать попусту. «Болото, – говорит, – близко, а оно днём спит, потому тишину любит». Но уж по прибытии на место мальчик не смог сдержаться.

– Ну и забрели мы, бабушка. Кругом сыро, мрачно, бежать хочется.

– Ты лес любишь? – вполголоса спросила старушка.

– Очень люблю, – также, понизив голос, ответил мальчик.

– Потому и лес тебя привлекает. А с болота вона как пере-

дёргивает, потому и оно к тебе так же.

– Да за что ж эту тряси́ну душегубную любить? – вновь повысил голос Ваня.

– Тихо! – грозно перебила его бабушка. – Насобирай лапника охапку, а я пока с травками местными поздороваюсь.

Когда Ваня вернулся с еловыми ветками в руках, старушка почитай уже полкотомки растений наприбирала.

– Ох, хороши, ох, сильны! – довольно повторяла она. Наконец, заметив мальчика, махнула призывно рукой.

– Мы сейчас по тропке прямо в серёдку болота отправимся, так что ты уж не отставай.

– По какой тропке, бабушка? Топь сплошная.

– На болоте тропок не меньше, чем в лесу дремучем. Не тракт столичный, но при должной сноровке разобраться можно. Бери лапник и пойдём, скоро темнеть начнёт.

– И я о том же, скоро за вечерет, а мы в самую тряси́ну.

– Не дрожи как хвост заячий в лисьей норе, назвался колдуном, полезай в пекло... или в болото... или ещё куда скажу. К Бабе Яге не испужался, а тут струхнул?

– Лучше уж у Бабы Яги в печи сгинуть, чем в холодную болотину быть затынутым.

– Устала я с тобой препираться. Помнишь, чего про веру сказывала?

– Только она может истинные чудеса творить.

– Правильно. Мне веришь?

– Даа, бабушка, – дрожащим голосом проговорил маль-

чик.

Старушка молча подняла с земли сухую палку и, больше не обернувшись ни разу, уверенно шагнула в болото.

Долго брели. Ване хотелось глаза закрыть, да побоялся оступить; хотелось зареветь, да не поможет; хотелось обратно броситься, да бабушке сказал, что верит. Наконец добрались до островка твёрдого. Землицы не более четырёх аршин по кругу.

– Скидывай обутики, сушиться станем, – старушка огляделась вокруг. – Хорошее место, здесь ночку и скоротаем.

– Что ж мы, и без костерка, и без каши останемся?

– Нужду в чём имеешь?

– Нет, бабушка. Это я так, для порядку спросил.

– Стели ветки, устраиваться будем.

Старушка с мальчиком для удобства уселись спиной к спине и стали смотреть, как болото окутывает тьма. Вот уже и леса вдалеке не видать... вот уже и кочек соседних не разглядишь... вот уже и руку свою едва угадываешь. И тут вдруг ухнуло. Словно великан вдохнул.

– Ой, бабушка, в жизни такого не слышал.

– Велика ли та жизнь? Сказывай, на что похоже?

– Не передать, вроде как зимой из дому вышел, а на тебя неожиданно сугроб с крыши свалился. Что это?

– Болото проснулось. Сейчас только успевай поворачиваться да поспешай удивления собирать. Для начала глаза закрой да слушай.

– И так ни зги не видать.

– Делай, чего говорено.

Ваня закрыл глаза и начал прислушиваться. И стараться не пришлось, потому как звуки непонятные стали появляться один за другим. И вот уже шумно, словно на площади городской в базарный день. Что-то скрипело, что-то булькало, что-то чавкало, что-то постукивало. Да громко-то как.

– Не хочешь ли в игру с болотом сыграть? – спросила старушка. – Крикни чего-нибудь, поуверенней.

– Чего, бабушка? Может, назваться мне?

– Не-е, болото слов не любит. Просто пошуми.

– Эй! – громко крикнул Ваня. Слева от него отчётливо послышалось «эй».

– Ау! – «ау» ответило справа.

– Эх! – «эх» раздалось сзади.

– Бабушка, что это?

– А я почём знаю, кто там тебя дразнит?

– Может, кикиморы защекотать хотят?

– На кой мы им? Стар да млад. Кикиморы загадки шибко уважают, а у нас что? Один ещё не ведаёт, другая – уже позабыла.

– Уж я в следующий раз расстараюсь для них. Такую загадку придумаю, что и за сто лет ответа не сыщут.

– Готов ли к новому чуду? Открывай глаза.

– Батюшки святы! – только и смог вымолвить Ваня. Вокруг, сколько глаз хватало, всё было в огоньках да сияниях.

Не в тех огоньках, что горят, а в тех, что мерцают да переливаются. И каждый из них словно сам по себе живёт.

– Вот тебе ещё игра забавная. Попробуй, отыщи свой.

– Как это, бабушка?

– Для большего интересу без поучений разберись.

– Нашёл! – через какое-то время восторженно закричал

Ваня, пытаясь соскочить на ноги.

– Сиди на месте, егоза. Болото кругом. В сажени от тебя, почитай, и дна уже нету.

– Нашёл. Вон он, мой огонёк, вон. Я голову влево, и он влево, я вправо поверну, и он туда же. Вскочить попробовал, так и он вслед за мной взметнулся.

– Молодец, а теперича потяни к себе, сколько сил хватит, да замри так.

Остаток ночи они провели не разговаривая, пока небо не засерело на востоке. Огоньки стали меркнуть один за другим, звуки затихать, пока снова не раздалось гулкое уханье, уже на выдох похожее, и тишина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.